

«У меня не жизнь, а биография»

Эссе посвящено научной судьбе Ольги Фрейденберг (1890–1955), тому, в какой мере она была принуждена подчиняться идеологическому диктату, и тому, как она избежала общей участи советского ученого: погибнуть или быть поработанным. В ее научной судьбе большую роль сыграли два человека – академик Н.Я. Марр и поэт Б.Л. Пастернак: первый поддерживал ее в начале ее пути и скомпрометировал посмертно репутацией его последовательницы; второй ничем не мог помочь сестре при жизни, но в 1970-е, особенно после публикации их переписки, определил интерес к ее трудам у российских гуманитариев. Публикации и переводы сотен работ Фрейденберг на иностранные языки, исследования и диссертации, посвященные ее творчеству через десятилетия после ее смерти, свидетельствуют о том, что в русской науке Фрейденберг играет ту же роль, какую русская наука – в мировой: «отсталость» и маргинальность могут таить в себе потенциал новизны и оригинальности.

Ключевые слова: Фрейденберг, Пастернак, Марр, первая женщина с ученой степенью классика в России.

Название моего выступления – переиначенная цитата из письма О.М. Фрейденберг Евгении Пастернак, первой жене Бориса Пастернака (27.XI.1924): «Разве Боря не понимает, что моя жизнь уже стала биографией? Что ее страдания давно перешли за норму реальности и сделались приемом искусства?» Фрейденберг повторяла слова своей тогда преданной ученицы: «у вас биография умирающих и воскресающих богов»¹, говорила и в других случаях о своей жизни, что она была биографией умирающих и воскресающих богов. Биография в этих контекстах – это жизнь в измерении искусства и мифа, которые слагают не факты, а смыслы, не должности, а откровения, не даты, а выходы из времени, не

встречи, а узнавание и неузнанность. Мы понимаем, что у человека *биография*, когда она отливается в форму общезначимой судьбы, со временем – мифа. Я.Э. Голосовкер так и назвал свое автобиографическое сочинение: «Миф моей жизни»².

А вот жизнь Фрейденберг ушла в сундук, похожий на маленький саркофаг или большой оссуарий. Когда в далекой молодости мне предлагали написать биографию Фрейденберг (это же легко, имея ее подробные записки и архив!), я не хотела. Я была оглушена ее ушедшей жизнью, трагедиями, поведенными тайным тетрадкам, и тем еще, что я уже ничего не могу поделывать, ничем не могу помочь ей, исповедующейся мне в сущности первой. Душеприказчица Фрейденберг, Русудан Рубеновна Орбели, тетрадки, конечно, открывала, поняла их содержание и хорошенько спрятала. Так хорошо, что не сразу нашла их в старой большой квартире с недоступными антресолями. Она их хранила с 1955 г., хотя знала, что они опасны во всех смыслах: с точки зрения КГБ и с точки зрения подрыва сложившихся научных репутаций. Но целиком 34 тетрадки она не прочла.

Сейчас, когда я сама прожила столько, сколько дано было прожить Фрейденберг, я решаюсь не просто сопереживать гениальному человеку, проведенному почти всю жизнь в застенке сталинской диктатуры, но и попытаюсь сказать что-то сверх пересказа мемуаров с цитатами из них самих, которые гасят окружающий их текст. Фрейденберг обладала большой силой слова, и соперничать с ее полными могучей горечи свидетельствами о времени не приходится. Но у меня есть одно преимущество перед ней, умершей 60 лет назад бездетной и не оставившей верных учеников: я знаю ее посмертную судьбу, а она только верила в историю.

Если Фрейденберг надеялась, что рукописи, спасенные от печки в ледяные зимы блокады Ленинграда, не канувшие в небытие при бомбежке, не погребенные в недрах архивов органов безопасности, выживут и дойдут до читателя, верила, как она писала, в «ордалии истории», то я знаю, что они их выдержали. На своей последней книге «Образ и понятие», переведенной сейчас на многие языки³, она оставила запись не ручкой, а палочкой, тростинкой, стилем, словно возвращаясь к временам папирусов:

20 III 1954

Приходится начинать все с того же. С тюремных условий, в которых писалась эта работа.

У меня нет прав на научную книгу, а потому я писала на память. От научной мысли я изолирована. Ученики и друзья отвернулись, аудитория отнята.

В этих условиях я решила синтезировать свой 37-летний исследовательский опыт, чтоб на этом заглохнуть.

Прохожий!

Помолись над этой работой за науку.

Я хочу сказать несколько слов об этой вере и об этой судьбе, сосредоточившись именно на научной судьбе, в то время как ее жизнь, а точнее *биография*, представляет собою и непосредственный интерес. И ее отношения с Борисом Пастернаком, отложившиеся в более чем 40-летней переписке, и, в частности, бессознательно воплощенные двойничество и смена ролей хтонического и солнечного божества в отношениях ее с подругой детства, о чем я писала в давней статье⁴.

Архив Фрейденберг мало походил на то, что остается обычно после смерти русского интеллигента, а это, как правило, ворохи бумаг неизвестного назначения и происхождения, следы неосуществленных планов. Нет, в этом сундуке лежали аккуратно надписанные 10 научных монографий, десятки перепечатанных статей, 34 тетради мемуаров, общим объемом 90 печ. л., среди немногих отобранных писем – 130 писем кузена Бориса⁵. Фрейденберг готовилась к уходу, и после ее смерти еще пахнувший лекарствами календарь с датами, зачеркнутыми до последних дней июня, и к нему ворох каких-то рецептов были, видимо, чьей-то рукой сметены со стола.

Много лет сундук простоял под роялем в квартире Орбели. Лидия Леонидовна Пастернак и Евгений Борисович Пастернак с женой интересовались письмами поэта. Русудан Рубеновна не знала об их существовании. Письма лежали в тесно набитом сундуке на самом дне, и добралась я туда во второй свой приезд в конце 1973 г., когда Русудан Рубеновна заболела и не могла приносить мне для чтения в Институт востоковедения, где она работала, отдельные папки по ее собственному выбору. Она вошла в гостиную, где я все вынимала и вынимала папки и разворачивала газеты 50-х годов черными от пыли руками. Смотрела, качая головой, на такие горы бумаг, что нельзя было понять, как они там умещались. Наконец закашлялась, махнула рукой и ушла, оставив мне мои азартные раскопки. Перевязанная золотой ленточкой, на дне лежала пачка писем, ныне изданных вместе с письмами Фрейденберг брату и переведенных на многие языки⁶.

Юрий Михайлович Лотман и Сергей Сергеевич Аверинцев тоже приезжали в начале 70-х к Орбели и интересовались работами Фрейденберг. Русудан давала им список статей, они что-то отмечали, Русудан сама делала для них машинописные копии. Так появи-

лась публикация Ю.М. Лотмана о семиотике в начале 1973 г.⁷, а в конце того же года – моя с Елеазаром Моисеевичем, в «Вопросах литературы»⁸. Годом раньше Елеазар Моисеевич Мелетинский и Сергей Юрьевич Неклюдов послали меня в Ленинград на разведку – нет ли в архиве чего-то для так называемой «Черепашковой серии», где уже вышла тогда «Морфология сказки» В.Я. Проппа⁹.

Я думала, что, не имея постоянной работы, нашла интереснейшее дело с перспективой публикации в приличном месте, и перечитывала в поезде «Поэтику сюжета и жанра», которая в студенческие годы показалась трудноватой. Но это Ольга Михайловна нашла инструмент для частичного осуществления ее надежды на историю.

Я говорю об этом не как о своей биографии, а как о посмертной биографии Фрейденберг. В ее сюжет входит вот это: прямые ученики и коллеги не интересовались ее наследием и ничего не делали для его обнародования. На похоронах профессора университета и многолетнего главы кафедры было шесть человек: одна ученица – Ольга Гутан с мужем, Орбели, свояченица, две гимназические подруги. Своего рода *damnatio memoriae* продолжалось, пока в 1978 г. не был издан «Миф и литература древности». После этого к замалчиванию прибавилось яростное отмежевание.

Сегодня, через десятилетия после смерти, опубликовано более 100 ее работ, в основном по-русски, но и переводы книг и статей, и более 200 публикаций о ней плюс заметные фрагменты в книгах и статьях¹⁰. Число же ссылок и упоминаний не поддается исчислению.

Ю.М. Лотман говорил мне, что для него как студента ЛГУ в конце 1940-х годов не было ученого по имени Фрейденберг, а он был пытливым и взрослым студентом. Если о филологе-классике, известном при жизни в самом узком кругу сотрудников, опубликовавшем всего одну книгу, два десятка статей и десяток тезисов и экстрактов, пишутся статьи, обобщающие книги¹¹, в частности проф. Н.М. Перлиной, и защищаются диссертации¹², это говорит о совершенно исключительной научной судьбе.

К перечисленным именам Лотмана, Мелетинского, Неклюдова, Аверинцева я добавлю имена Вяч.Вс. Иванова и М.Л. Гаспарова – все эти люди поддерживали издания трудов Фрейденберг многие десятилетия. Их имена говорят о том, что в начале 1970-х годов русская семиотика и философская знаковая теория культурной коммуникации, основанная на лингвистике, оказались тем научным направлением, которым труды Фрейденберг были вызваны из забвения. Впрочем, я благодарна и моему учителю, филологу-классику А.А. Тахо-Годи, от которой первой получила совет прочитать

«Поэтику сюжета и жанра» курсе на втором. Причину вытеснения Фрейденберг из научной памяти Лотман назвал в первой статье о Фрейденберг: ассоциация с Н.Я. Марром¹³.

Но как же могли такие лингвисты-индоевропеисты, как Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров и весь их круг, интересоваться марристикой? Ведь в период хрущевской оттепели лингвистика приняла на себя функцию новой посттоталитарной гуманитарной науки и задавала для всех гуманитарных дисциплин образец свободной от идеологии научности. Марр же был символом идеологизированной антинаучности и предан необычной двойной анафеме – сначала сталинской, официальной, а затем и с позиций новой структурной лингвистики и возродившегося индоевропейского языкознания. Тем не менее корифеи структурно-семиотического направления в России собирали то, что успело взойти в 1920-е годы: формалистов, М.М. Бахтина, Фрейденберг, Л.С. Выготского. Их прижизненные расхождения не имели большого значения, были важны масштабы теоретических притязаний, рожденных 20-ми годами в промежутке между сломом ветхих парадигм и возведением интеллектуального ограждения с колючей проволокой. Поэтому первые переводы работ Фрейденберг на английский очутились в изданиях, посвященных русской семиотике и русскому формализму¹⁴, хотя она к этим школам не принадлежала. Тонкие нити, связывавшие русскую формальную школу, а затем и структурализм через Вильнюс и Прагу с Польшей, привели к тому, что в Польше Фрейденберг не забывали с 30-х годов и больше всего переводов ее научных трудов существует на польском¹⁵.

Ольга Фрейденберг была пионером во многих отношениях. Она поступила в настоящий, не женский, университет, как только это стало возможно¹⁶. Причем стала студентом-классиком, в то время как древние языки считались слишком тяжелой нагрузкой для здоровья женщин. В 1924 г. она была первой в России женщиной, защитившей магистерскую (кандидатскую) диссертацию по классической филологии¹⁷, первой женщиной, которая в 1935 г. получила степень доктора литературоведения (и вообще из гуманитариев ранее ее стала доктором учившаяся в Сорбонне медиевист Добиаш-Рождественская). В 1932 г. она возглавила кафедру классической филологии, созданную ею заново после закрытия в 1921 г. всех классических отделений в России. Женщин во главе кафедр в ту пору практически не было, тем более их создателей. Таковы ее внешние социальные достижения, обусловленные в частности тем, что революция в России многое сделала для женского равноправия.

В биографическом очерке о Фрейденберг для выходящей в Оксфорде книги о первых европейских женщинах – филологах-классиках я описала не только это ее социальное первопроходчество, но главным образом новизну и опережающий характер ее мыслей, идей и подходов¹⁸. Издатель Эдит Холл стал задавать мне недоуменные вопросы: почему она говорила в 1920-х годах те вещи, которые стали актуальны для «нас», т. е. западной науки, только теперь?

Можно было бы ответить, используя представление формалистов о литературной эволюции как о перемене местами периферии и центра, доминанты и маргиналий. Фрейденберг находилась на периферии европейской науки, через десятилетия после ее кончины волновавшие ее вопросы переместились в центр¹⁹. Но это скорее констатация, чем объяснение. И кроме того, чтобы быть новатором, недостаточно принадлежать к первому поколению женщин в науке. Отдельные гении, вроде Лизы Мейтнер, вообще не обсуждаются. Но о первом поколении женщин-ученых надо сказать, что, как правило, у них была поддержка среды и семьи, как у О.А. Добиаш-Рождественской – и отец и муж, что, разумеется, никак не умаляет их достижений.

У Фрейденберг такой поддержки не было. Ее отец Михаил Филиппович Фрейденберг (1858–1920) – актер, драматург и журналист средней руки, не окончил даже гимназии, но оказался автором нескольких крупных изобретений, ни одно из которых не было внедрено. Известность они получили в два приема. Когда в конце 1940-х годов Россия была объявлена родиной слонов, его изобретения вытащили из забвения, несмотря на его еврейское происхождение, а архив и модели взяли в Музей связи в Ленинграде и в Политехнический в Москве, где они благополучно хранятся по сей день. Он дружил с авиатором Уточкинским, конструировал воздушные шары и сам на них летал не без риска для жизни, переписывался по поводу пропитки шаров с Менделеевым. Изобрел за два года до братьев Люмьер и сконструировал с механиком Новороссийского университета И.А. Тимченко (1852–1924) кинетоскоп – аппарат для показа движущегося изображения, а позже и звуковое кино, оставшееся на бумаге. Кинетоскоп вспомнили в 90-е, когда происходившее в Одессе стало происходившим на Украине и Украина стала родной кино. Фрейденберг сконструировал автоматическую телефонную станцию на 10 000 номеров, в 1895, 1896, 1898 годах получил за границей патенты. Телефонная компания Белл купила патент за баснословную сумму, чтобы конкуренты не смогли воспользоваться изобретением, но сама не стала воплощать замысел. Барышни-телефонистки продолжали «соединять». Такой была и судьба бук-

воотливочной машины – первого линотипа (модель хранится в Политехническом музее в Москве). А в начале Русско-японской войны Фрейденберг предложил правительству проект субмарины, его потеряли, чертежи исчезли, тем временем аналогичный проект появился у англичан. Он умер в 1920 г. в Петрограде от голода, холода и потрясения от воцарившейся в России разрухи²⁰.

Судьба отца во многом предвосхищает судьбу дочери: яркий талант, своеобразие, одиночество, непризнанность при жизни. Она и сама считала себя его двойником, хотя дарования ее были совсем иными, она не изобретала, а постигала: «Научное исследование, – писала она, – не штопор и не буровой инструмент. Оно скорее напоминает кошку, которая чует под полом крысу: нюхает, останавливается на месте, вдруг стремительно настигает, приходит в исступленье, бежит, намагниченно ждет и разочарованно уходит, чтоб вскоре вернуться, замереть, побегать, остановиться»²¹. Ее отличал масштаб понимания мира, культуры, истории, превосходящий всякую специальность. Так и ее блокадные записки – а таких записок сейчас известно много – поражают не степенью перенесенных страданий: хотя они были велики, но случались и более страшные испытания, а кругозором, высотой, с которой она смотрит на происходящее. Лишенная всякой информации, без радио, общения, достоверных сведений о положении на фронтах, не будучи ни полководцем, ни государственным деятелем, она понимала события не как умирающая от цинги жертва обстоятельств, а как провидец. Так и в науке. Вяч.Вс. Иванов еще в 1978 г. писал о ее предсказании открытий в хеттологии²². В.В. Емельянов показал, что предложенная Фрейденберг реконструкция древнего ближневосточного культа осла, вызвавшая резкую реакцию, предвосхитила открытия в шумерологии, о которых сама Фрейденберг знать не могла²³. Почти на столетие опередили западную науку ее представления о греческом романе²⁴.

Своеобразие языка, слишком сжато и неконвенционально предлагаемого крупные и нетривиальные мысли, озадачивало и современников, и потомков. В письме И.Г. Франк-Каменецкому Фрейденберг рассказала о беседе, которая произошла в кабинете директора Института речевой культуры:

Вы вот говорите там, что не было причинно-следственного ряда... Это заумь. Может, вы и что-то правильное хотите сказать, но ведь это абсолютно непонятно, как это не было его? Ни один человек, заглядывающий в ваши работы, ничего не может понять. <...> Да, о моем стиле. Он уже из количества перешел в качество. Чего я не наслуша-

лась! Это и «заумь», и «вызов» – и что угодно. Правда, и Щерба книги не читал, не видел даже... Но все-таки ему говорили, и он убедился, заглянув в «Макк и Мару»²⁵ и в «фолькл<орный> язык»²⁶, – очень мирные статьи. Когда он заговорил, что нам нужен «реалистический, простой, ясный стиль», я его перебила: он домогался, чтоб я писала иначе, – а я сказала ему, что Б. П<астернак>к мой дв<оюродный> брат. Он так был потрясен, что и сказать тебе не могу. «Думаете ли вы, что он может писать иным стилем?» Тут он сдался; но все повторял, «Как это интересно!» Ему все стало ясно... А я с тем большим смаком это сказала, что в руках держала газету с речью Ставского²⁷ (это было знаменитое, громившее Бориса Пастернака выступление²⁸. – Н. Б.).

Еврейское происхождение если и добавляло маргинальности, то немного даже в годы «борьбы с космополитизмом». А в академической среде 1920–1930 годов, при всех ее консервативных свойствах, антисемитизм был скорее исключением, чем правилом. Ассимиляция происходила уже в поколении родителей Фрейденберг, которые еврейских традиций не соблюдали. Отец вообще вел жизнь, не привязанную ни к сословным, ни к религиозным правилам. Но его план креститься и крестить сына из соображений ассимиляции и возможности дать образование для матери и дочери выглядел как предательство гонимых. Ольга и мать не крестились, сам Михаил Филиппович получил вид на жительство в Петербурге, сдав экзамен на механика²⁹. Только сына он крестил, тот окончил благодаря этому гимназию.

Фрейденберг была свободомыслящим европейцем с собственными представлениями о мире и о совершеннейшем «сверхличном», о чьем присутствии в природе, истории и человеческом сердце она знала, но это знание не совпадало для нее ни с одной религиозной доктриной. Бога она сравнивала с Лоэнгрином, чей облик никому не следует видеть. Представление о Боге не противоречило представлению о науке: «Научный метод – это мерка мировой линейкой; обладая им, при рассмотрении клетки, или фразы текста, или пласта глины неизменно задеваешь Господа Бога» (Письмо Л. Пастернаку, февраль 1921).

Как не была она ни верующей, ни атеисткой, так не была ни богатой, ни бедной. Никакого стабильного дохода в семье не было, но иногда изобретения отца приносили ему большие деньги. И в дальнейшем Фрейденберг могла легко тратить и легко давать людям деньги, а нищета и необходимость в период безденежья и безработицы посещать биржу труда и носить на толкучку у Обводного канала семейные вещи хоть и не радовала, но и не составляла для нее трагедии.

Была ли она целеустремленной, деловитой, сызмала жадной к знаниям? Пожалуй, нет. Она была созерцательной и не имела жизненного плана. Не выбирала никакой карьеры: ни профессиональной, ни, так сказать, семейной. Смешно читать ее описания осмотра в Италии достопримечательностей вместе с Борисом: Боря ведет себя как будущий археолог, заглядывает в справочники, читает все надписи и таблички, а будущий ученый-античник предпочитает «впитывать и вдыхать». Но потом она вздохнет, что осталось посмотреть еще сотни три источников и около ста монографий...

И в юности, и в старости она была театралкой, мы знаем об этом из списков спектаклей в записных книжках и 1900-х, и 1950-х годов. Но это времяпровождение почти ни в чем не сказалось, разве что в письмах.

Она знала много языков, но мало говорит о том, как их учила. До революции она много путешествовала по Европе, жила в Швеции, Италии, Германии, Швейцарии, читала художественную литературу, а в Англии не жила, но английский знала профессионально. Немецкий в школе ненавидела, но впоследствии читала толстые научные книги, и проверка ее ссылок говорит о том, что получала сведения не из вторых рук. Как и ее отец, Фрейденберг легко пересекала сословные границы, и когда началась мировая война, то в качестве медсестры в частном госпитале она дружила с солдатами, занималась «культурной работой среди раненых», и ее архив сохранил письма малограмотных крестьян, присланные через многие годы «сестрице», «барышне Ольге Михайловне», которой они рассказывали о тяготах своей жизни, с которой делились горем вдовства и сиротства.

Среди раненых был и красивый георгиевский кавалер, молодой прапорщик, который стал бывать дома, дарить цветы и фотографии и деликатно ухаживать. Дистанция была еще очень далекой, когда внезапно Иван Дмитриев скоропостижно скончался. Внезапная потеря мгновенно сократила дистанцию, Фрейденберг восприняла эту смерть как смерть жениха и тут же должна была убедиться, что у покойного есть постоянная сожительница, она-то и рыдает над гробом, а ее собственная скорбь выглядит в этом контексте неуместной претензией невесты на что... Фрейденберг была подавлена и раздавлена. Она идет в университет, как в монастырь, чтобы уйти от житейских страстей, она не помышляет о занятиях наукой, идет только за образованием. После гимназии, не получив золотой медали, она не могла писать прошение на высочайшее имя, чтобы поступить на курсы (процентная норма). О самих же курсах, куда

заглядывала на лекции известных профессоров, отзывалась как о чем-то второсортном. Было ли это искренним, или так было легче пережить недоступность курсов, но когда Февральская революция открыла университет для женщин, Фрейденберг, 27 лет от роду, записалась вольнослушательницей. В послереволюционном университете царит вольница и разруха одновременно: профессора объявляют, а студенты выбирают курсы по своему желанию. К этому добавляются особенности «позднего старта» самой Фрейденберг: она – зрелый, самостоятельный человек, знающий восемь языков, начитанный, много видевший и переживший. Как кто-то сказал, поскольку мы не можем распознать гения в колыбели, у нас есть среднее и высшее образование, чтобы не дать ему шанса. Профессора были еще все старые, а дух царил уже совсем новый, авангардный. Редкое сочетание доброкачественных учителей и институциональной свободы.

Фрейденберг начала заниматься у библеиста и ересиолога, специалиста по древнерусской литературе А.К. Бороздина, работала в его домашней огромной библиотеке. Фрейденберг писала, что он научил ее двум вещам: читать источник и читать научную литературу; третьей ступени – как писать научную работу – пройти не пришлось, Бороздин умер осенью 1918 г.³⁰ В тяжелейшую зиму 1918–1919 годов неотопливаемый университет почти вымер, только классики не прекращали занятий и вели их на дому; Фрейденберг стала классиком. Т. е. почти случайно: Бороздин умер, остальные замерзли. Она училась у будущих академиков И.И. Толстого и С.А. Жебелева, с благодарностью и восхищением вспоминала Г.Ф. Церетели и чтение с ним Меландра. Жебелев руководил ее работой над апокрифическими «Деяниями Павла и Феклы», из которой затем родилась ее новаторская диссертация «Греческий роман как жанр страстей и деяний»³¹. И Толстой, и Жебелев очаровывались ее дарованиями, но затем их же и пугались. На защите Жебелев решил помочь Фрейденберг понятным для всех образом. Он объяснил публике ее «ошибки» тем, что она-де не знакома с последним изданием книги о романе Эрвина Роде³². В самом деле: прочтешь последнее издание авторитета, и у тебя не будет никаких ошибок. А без последнего-то издания всякий промажет! Между тем, когда ранее Фрейденберг попросила у Жебелева это последнее издание, тот ей сказал, что оно стереотипное и ей ни за чем не нужно... Балансировать между ученицей и сообществом было нелегко, сообщество перевешивало. И по прочтении диссертации Жебелев отметил обилие материала:

«Я вполне одобряю вашу работу. Но это я, потому что я сам “фактопклонник”, и такой был мой покойный учитель, Федор Федорович Соколов. Ваша работа переполнена матерьялом, фактов чересчур много, они еще не утрамбованы. Но все же беда у вас одна: фактов много, но ни одной мысли! Повторяю, я-то умею это ценить, и сам таков. Но надо было провести сквозь работу хоть одну мысль!» Я уже не огорчалась. С внутренней улыбкой я слушала эти слова... Меня интересовали только его отзывы о моей технике³³.

Но в эту пору теория вообще была вещью скользкой, она должна быть марксистской или ее не должно быть. Прятаться в фактологию – стратегия спасения, своего рода эскапизм...

Когда благодаря дядюшке, Леониду Пастернаку, мировой авторитет Адольф фон Гарнак прочел немецкое резюме работы о романе и написал небольшое, но определенно хвалебное письмо с признанием основных выводов Фрейденберг, С.А. Жебелев сразу же горячо поддержал свою ученицу: «Отзыв Гарнака, сдается мне, должен Вас совершенно примирить с тьякканьем, да притом еще иногда из подворотни, разных наших песиков, которым до науки столько же дела, сколько нам с Вами до разного рода мелких интрижек» (8 ноября 1926 г.).

В большей мере, чем у университетских учителей, которых О.М. Фрейденберг глубоко почитала, она училась у книг.

Вообще, какое счастье, что я не имела, как нынешние студенты, на-таскивателя («руководителя»), что никто не отвлекал меня от «устаревшей», поистине гениальной, литературы! Я свободно росла на Моверсах и пан-вавилонистах, с научного детства приучая себя к идеям, вольным домыслам и изобретательству, но не догадываясь, что это запрещенный плод. Яблоко было восхитительно! Оно пробуждало влечение – если не к любви – то к платоновскому высшему «воспроизведению» в идее и творчестве интеллекта, помноженного на все жизнеощущенье. Оглядываясь назад, я жалею об одном, что не знала гениального Баховена³⁴. Но, может быть, это к лучшему. Ведь этот ум исчерпал все, ничего не оставив для потомства. Есть какая-то великая тайна в его безвестности. Так неведомо и мирозданье. Кто стал бы открывать распахнутые двери? А старые немецкие археологи! С каким умственным смаком писали старики о стульях и трибунах, о театральных подмостках и тронах, о катакомбах, о росписях! Тут не было идей, но были букеты ароматнейших цитат из неведомых первоисточников, и один подбор греческих строчек мог вызвать упоенье! А главное, никто ничего не боялся и делал умопомрачительные, но спокойные сопоставленья, как ни в чем не бывало. Я зачитывалась сладчайшими археологическими статьями, лелея несбыточную мечту о столах, стульях, лампах и сосудах³⁵.

Не знаю, что скажут современному классику имена А. Дитериха, Ф.-К. Моверса, Г. Узенера и О. Вейнрейха. Это были первоклассные ученые; устарел бесповоротно, пожалуй, Моверс. Среди ее героев были Дж.Дж. Фрэзер и кембриджские ритуалисты, особенно Ф.М. Корнфорд, позднее С.М. Баура, из французов – Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм, Пьер Сентив. Это были ее современники. Мировоззренчески для Фрейденберг был важен Шпенглер. Из русских ученых она выделяла А.А. Потебню и А.Н. Веселовского, впоследствии – В.Я. Проппа. Нет никаких следов ее знакомства с теориями К. Юнга. Мы видим, что все названные известные ученые шире какой-то одной специальности, они могут быть, как Узенер или Корнфорд, и записными филологами-классиками, но скорее они классики гуманитарной науки, гуманитарной мысли – антропологи, лингвисты, компаративисты, ритуалисты. Все они выходили за рамки строго определенной дисциплины.

В 1923 г. Фрейденберг принесла Марру готовую работу о романе, написанную под руководством Жебелева, но в большой мере самостоятельно через год после окончания университета. Марр усмотрел в ней дорогую его сердцу «палеонтологию», в данном случае «палеонтологию сюжета». Фрейденберг хочет защитить работу, чтобы сделать ее известной научному сообществу, ведь печати практически нет. Диссертацию она действительно защищает в ноябре 1924 г., и это в самом деле – диспут, с четырьмя выступающими оппонентами, хотя спор идет не только научный, но и безмолвный. Степени отменены, как и чины и титулы, и Жебелев, как многие другие, не хочет, чтобы в новых непривычных обстоятельствах они вообще присуждались, как будто все как раньше. Да еще женщине, поступившей в Петроградский университет после революции. «Померла – так померла», и нечего делать вид, что при большевиках университетская наука еще дышит...

Жебелеву было тяжело: в 1920-е годы Марр был еще не всем известным безумцем в одном ряду с Лысенко, а знаменитым кавказоведом, академиком императорской академии с огромным авторитетом, старшим коллегой и археологом с мировой известностью, наконец, директором Академии материальной культуры (предшественника Института археологии). Марр прикрывал своим «антибуржуазным» авторитетом множество людей и начинаний. Жебелев нуждался в Марре, а только зарождавшийся в ту пору яфетизм был ему чужим и непонятным. Он не мог идти против Марра и против своих коллег в широком смысле. А когда дело дошло до второй диссертации, Марр уже умер, а содержание трудов Фрейденберг сделалось недоступным.

Фрейденберг еще и раздражала своими чрезмерно открытыми заявлениями, в которых не слышно стремления сообщить о себе, мол, «я тоже из бывших»: «Работа моя, пять лет делавшаяся в период 1919–1923 гг., прошла вся в условиях революционного времени, и отношение к ней должно быть соответствующее ее характеру и ее выполнению. Печати нет, обнародовать своей работы я не могу ни одним из прежних способов, и если я, преодолевая тысячи препятствий и каждый день вступая в борьбу за существование своей работы, наконец, имею счастье дать ей жизнь при посредстве института – я надеюсь, что институт как научный центр окажет мне помощь и не задушит моей работы»³⁶.

Не задушит, но постарается.

Обнаружение жанрового и генетического родства христианского апокрифа «Деяния Павла и Феклы» и языческого греческого романа было для того времени слишком новым и шокирующим. Это в конце 1990-х годов у профессора Теологического факультета выходит книга о жизни Эзопа в сравнении с Евангелием от Марка³⁷, а совсем недавно – о романах и «Деяниях Павла и Фекла»³⁸.

Можно ли так поступать: с новыми идеями, с неприятной большинству общественной позицией искать у этого большинства признания?

Выступили на диспуте и те, кто называл себя «формалистами», и от лица молодых открестились от «генетического метода», заявили, что не принимают диспутанта.

Защиту Марр протацил, как написала сама Фрейденберг, «журналически» и послал ей записку, которую она сохранила как реликвию: «Пожалуйста, не волнуйтесь: ясно, что Ваша трактовка чересчур нова и свежа». Но «протацил» не по каким-то посторонним соображениям, а именно по тем, о которых написал в записке.

Вскоре в Петрограде стали известны работы Пьера Сентива (Эмиля Нурри) и К. Керенья³⁹. До того, как в 1926 г. Струве сделал рекламу отзыву Гарнака и сообщил и самой Фрейденберг, и университетской публике о том, что работы этих западных ученых подтверждают положение освистанной диссертации⁴⁰, два года длился бойкот в ученой среде, безработица, голод. Все это сопровождал творческий взлет. В 1925-м Фрейденберг пишет много, запоем и блистательно, и близость методов и выводов этих иностранных ученых к методам и выводам Фрейденберг до некоторой степени примирили русских коллег с ее работами. Правильнее сказать – ослабили гонения.

В научной судьбе Фрейденберг серьезную и противоположную роль сыграли два человека: академик Н.Я. Марр и поэт Борис Пастернак. Один помогал при жизни и принес огромный репутаци-

онный вред посмертно. Другой почти ничем не мог помочь сестре практически, вызывал этим иногда на свою голову громы и молнии, но во многом благодаря его известности, и уже после смерти обоих, ее труды не поглотила Лета.

Конечно, Пастернак кинулся на помощь сестре, когда единственную опубликованную при ее жизни книгу в 1936 г. начали травить. В «Известиях» появилась большая статья под названием «Вредная галиматья»⁴¹, Фрейденберг стали прорабатывать и проверять ее лекции. Я описала в послесловии к изданию 1997 г. несколько фантастическую историю о том, как Франк-Каменецкий поехал в Переделкино к Пастернаку для выяснения всех обстоятельств, как Пастернак написал письмо сидевшему уже под арестом Бухарину, а в машину, которая везла Франк-Каменецкого обратно на станцию, к нему на колени посадили девицу Ц. Лейтейзен⁴² – ту самую, которая подписала «Вредную галиматью» о том, что в нашей стране каждый комсомолец знает и любит Гомера, а Фрейденберг его не уважает. Это совпадение достойно поэтики «Доктора Живаго». Письмо Н.И. Бухарину было безоглядно смелым поступком, так поступала и сама Фрейденберг, когда писала письма в защиту то Лурье, то Зайцева, беря на работу ссыльных А.И. Доватура и А.Н. Егунова. Можно было только радоваться, что письмо не навредило, помочь оно не могло⁴³. Совсем страшных последствий статья не имела. Публично ошельмованных часто оставляли на виду, а черный воронок приезжал без газетной подготовки, если, конечно, речь не шла о людях из ЦК.

Мировая слава брата, нобелевского лауреата, позволила и О.М. Фрейденберг выйти из тьмы забвения, когда переписка брата и сестры в виде книги, которую составили Е.Б. и Е.В. Пастернаки, вышла под именем покойного Э. Моссмана, особенно когда вышла в его английском переводе (1982 г.). Книга сделалась на некоторое время бестселлером, вызвала большую прессу и привлекла внимание публики⁴⁴. Читатель обрел корреспондента на всю жизнь, на 40 с лишком лет, притом неизвестного биографам поэта. Обычно при публикации писем писателей письма их корреспондентов используются разве что для комментариев. В данном случае публиковались письма с двух сторон, и кузина поэта не выглядела тенью, да и ни с кем не было у Пастернака переписки такой длительности. Рецензенты ради броских заголовков объявляли Фрейденберг кто первой, кто главной любовью поэта. Проникнув в Россию сквозь железный занавес в считанных экземплярах, Переписка передавалась из рук в руки в кругах интеллигенции и даже была отправлена в ссылку для академика А.Д. Сахарова. Та-

ким образом, Переписка и даже молва о ней (письма Пастернака я обнаружила в конце 1973-го или начале 1974 г. и рассказала об этом Ю.М. Лотману, который знал от сына Пастернака – Евгения Борисовича – об их существовании⁴⁵), подтолкнули интерес к наследию Фрейденберг в том самом круге гуманитариев, о котором я уже говорила.

Первая диссертация Фрейденберг была вся написана до знакомства с теориями Марра, а когда писалась вторая, Фрейденберг уже несколько лет как отошла от Марра, тем более от марристов, и никогда штатно не работала в Яфетическом институте. Тем не менее она была связана научными интересами с секцией сюжета и мифа Яфетического института, там в течение шести-семи лет протекала ее научная молодость⁴⁶. Во второй половине 1920-х годов не по месту официальной службы в ИЛЯЗВ, а в Яфетическом институте, в котором поначалу работал десяток людей, собиравшихся в помещении при квартире Марра, она получила «среду, полное понимание, друзей, горячее биенье научной жизни, атмосферу большой науки. Но трагедия, которая вытекала для меня отсюда же, еще не была мне видна»⁴⁷. Институт служил центром притяжения для ленинградских гуманитариев, может быть, именно из-за неформальной обстановки⁴⁸. Здесь была секция мифа, фольклора, сюжета и вообще «палеонтологической семантики». Председателем «мифической» секции был В.Ф. Шишмарев, в ее работе участвовали русист В.Л. Комарович, гебраист и египтолог И.Г. Франк-Каменецкий, египтолог В.В. Струве, археолог Т.С. Пассек, археолог и лингвист Б.А. Латынин, филолог-классик и ОПОЯЗовец Б.В. Казанский, автор книг и о Веселовском, и о формалистах Б.М. Энгельгардт, археолог И.И. Мещанинов и др. К марристам из их числа относят с оговорками Франк-Каменецкого, который был египтологом и гебраистом немецкой школы, и, конечно, Мещанинова, который стал приближенным и в буквальном смысле наследником Марра, получив его институт. Ни Шишмарев, ни Комарович, ни Струве, ни Казанский не обрели репутации марриста. Но за Фрейденберг этот ярлык остался навсегда. Фрейденберг не была и ученицей Марра. Придя с готовой работой в 1923 г., она примерно до 1930–1931 годов оставалась в фаворе влиятельного человека⁴⁹. Поэтому для историка науки и биографа «марризм» Фрейденберг стоит в центре ее карьеры. Но не в центре ее научного творчества. Ее критики полагают, что довольно сказать: она была марристка, чтобы уничтожить ее как ученого, а ее новаторские работы квалифицировать как марристские бредни.

Сектор создал до своего уничтожения единственный коллективный труд – «Тристан и Исольда. От героини любви феодальной

Европы до богини матриархальной Афревразии»⁵⁰. В этой книге марксистское влияние присутствует, пожалуй, в наибольшей мере. Мифологические коды, т. е. представление мира в образах зверя или растения, подаются как последовательные стадии развития сознания, которое следует за развитием орудий труда и разделяется на стадии охотничью, аграрную и т. д. В своих мемуарах О.М. Фрейденберг с раздражением говорит о навязывании ей стадиальности и о надежде, что будущий читатель отделит ее собственные мысли от вписанных насильно. В целом эти надежды, конечно, напрасны.

Период 1930–1933 годов оказывается временем наибольшей вовлеченности Фрейденберг в социальный контекст. Она получает различные административные посты в научных учреждениях и не только усердно работает, но и наивно гордится и хвастает признаками власти и положения, о чем пишет семье Л.О. Пастернака⁵¹.

Да, иногда в ее работах присутствуют ссылки на фантастические этимологии марровской чеканки, несколько статей ими пестрят. Но ошибочными этимологиями изобилуют и солидные словари, а она все-таки не была лингвистом. В области же мифологической семантики Фрейденберг была самостоятельна, не самостоятелен был как раз Марр, который следовал за Веселовским, Потебней, Кассирером и Леви-Брюлем. Отнесение к марристам в большей мере подкрепляется фактами научного быта, чем содержанием самих работ.

«Яфетиды» следующего призыва Фрейденберг ненавидели, и Л.В. Щерба предупреждал ее, чтобы она ждала от них не поддержки, а удара⁵². Но главный уже был нанесен. Фрейденберг узнала от знакомого журналиста, что именно И.И. Мещанинов инспирировал через подставных лиц травлю «Поэтики сюжета и жанра»⁵³. Мещанинову заметные и особенно самостоятельные фигуры рядом с Марром были не нужны, не нужен был и соперник в распоряжении социальным капиталом Марра. В арсенале были простые средства: взять для рассылки отпечатанные приглашения на доклад Фрейденберг. И не разослать. Она приходит и сталкивается с пустым залом. Ставший в 1932 г. академиком благодаря Марру И.И. Мещанинов (не имевший на тот момент работ по лингвистике) сделался со временем главой советской лингвистики, осыпанный наградами, постами и званиями.

Желание Мещанинова вытеснить потенциального соперника, к счастью, совпало с желанием Фрейденберг отойти прочь от «яфетидов». Марра в 1932 г. разбил инсульт, в 1937 г. Франк-Каменец-

кий погиб, сбитый машиной. Со средой марристов ее больше ничто не связывало. Но Марра она уважала и умела дать ему объемную характеристику:

Для него не существовало ничего, кроме палеонтологической семантики в приложении к отдельным словам. Здесь он был мастер, артист, гений, бог. Ради этого он льстил, властвовал, шел в партию, держал даму, имел жену и сына. Он не то что был нетерпим и деспотичен; но он не терпел ничего, кроме открытой им науки, и не выносил никакого отклонения от своей собственной страсти. В нем было что-то вне-классовое, вне-условное, как в ребенке; хитрый, честолюбивый, властолюбивый, несправедливый, он поражал наивностью душевной, высокой простотой, незлобивостью, очищенностью от всего корыстного и мелочного. Как настоящий артист, он был ниже своего творчества, не умел его истолковать, бился в его силках. Как гений, он был односторонен и ничем, кроме творчества, не обладал⁵⁴.

Постепенно, еще при жизни Марра, нарастало ее недовольство:

Во мне накопилось в душе от Марра. Чем влиятельней он становился, чем насильственной он заставлял принимать свое учение и подлаживаться под политику, тем громче поднимался во мне негодующий протест. Я желала сбросить с себя гнет его имени, тяготевший над моей научной индивидуальностью; мне надоело терпеть гонение за недостатки его теории и отдавать в его приходную книгу свои научные достижения. Его клика, камарилья, ничтожества, выдвигавшиеся им в ущерб науке, его недоступность, вырождение былых его взглядов и привычек, партийная лесть и деспотизм – это все раздражало меня, вызывало во мне стыд, и я хотела отмежеваться от марризма. Столько лет борясь за Марра, я боролась за передовую мысль и ее независимость; теперь я видела, что она сама стала деспотичной, нетерпимой, неумной⁵⁵.

Теорию четырех элементов, из которых созданы все слова всех языков, она считала вздорной мистикой.

Школа Марра в изучении культуры, которую упоминал Ю.М. Лотман в «Лекциях по структуральной поэтике» (1963), причисляя к ней почему-то И.М. Тронского, состояла только из этих двух людей – Франк-Каменецкого и Фрейденберг. Фрейденберг писала Франк-Каменецкому незадолго до его гибели: «А ты у меня – единственный человек в науке и в среде, как и в сердце. Тобой исчерпываются все мои связи с научным миром живых людей» (20.12.1936).

Рубеж 1920–1930-х годов, как знают это поздние потомки, был периодом явного и необратимого перелома всего хода вещей. И скоро Фрейденберг перестала меряться пятилеткой:

Это были годы, когда подкрадывавшийся кровавый режим вдруг встал как нечто свершившееся. ...Все советское общество, вся интеллигенция старалась осмыслить происходившие события, верить в их логичность, понять, научиться. ...В 1931 г. я была уже человеком советским, желавшим вникнуть, понять, уважать и строить новое. ...Но с воцарением Сталина пошла система, сути которой никто еще не понимал, но о которую ударялся головой. Оглядываясь назад, видишь, как это было просто: удушение страны средствами голода и тщательно поддерживаемой разрухи; полное подавление личности, мысли, идеи, человеческого «я». Эта система осуществлялась при помощи неслыханных размеров доноса, преследований политических и «идеологических», а также публичных оскорблений. Я помню всеобщую растерянность при первом появлении печатной брани с называньем имен и окатываньем грязью. Я помню первые кампании подрыва всех авторитетов, служебных, политических, моральных. Разгром, как самоцель политики, только начинался⁵⁶.

Революционно-авангардный период в образовании закончился, и возвращение к старым формам потребовало возрождения в 1932 г. классического отделения. Петербургские классики не были по происхождению и воспитанию достаточно «советскими». Создать и возглавить отделение предложили Фрейденберг, беря в расчет ее демократическое происхождение и обучение после революции и ее ассоциацию с Марром. В локальном цеховом предании Ленинграда–Петербурга ее назначение подается как приглашение невежественного партийца для руководства настоящими учеными. В статье о ней для сборника «Классики и коммунизм» О. Бударгина пишет, что как ученый Фрейденберг была продуктом «своей среды»⁵⁷. Интересно, какая имеется в виду среда? Семья Орбели или семья Пастернаков?

Фрейденберг пригласила всех «сомнительных» дворян, и каждый профессор имел свою «школу», что для тоталитарного единомыслия было столь же необычно, как и принятие на работу сосланных или вернувшихся из лагеря и ссылки⁵⁸.

Фрейденберг руководила кафедрой до 1949 г. с перерывом на годы эвакуации ЛГУ в Саратов (1941–1944). Но после статьи в «Известиях» пространство ее деятельности было ограничено толь-

ко кафедрой, и до конца жизни ей было запрещено печататься за пределами изданий ЛГУ⁵⁹, которые поступали в крупнейшие библиотеки, но не в свободную продажу.

Фрейденберг писала большие книги; так, книга о Гесиоде, написанная в 1933–1939 годах, занимает примерно 700 страниц⁶⁰. А еще монография о Сафо, «Гомеровские этюды», Паллиата. Но публиковала только тезисы, резюме больших исследований. Эта ситуация не изменилась до конца ее жизни. С оттиском последней публикации (тезисы о Сафо) Борису Пастернаку она послала письмо: «Я задыхаюсь от отсутствия печатанья. Редколлегия печатает только себя (“Еще раз к вопросу о...”). Не потому, что меня не печатают, но никого, кроме самих себя. А я пишу книгу за книгой. Как вечный жид, я вечный фармацевт с экстрактами. О, эта трагедия пересказов и сокращений. Но и это – в лучшем случае» (24.XI.1946).

В 1939 г. она начинает писать воспоминания о самой себе и, оказавшись в осажденном Ленинграде, продолжает их вести. Тогда многие взялись за перо, чтобы свидетельствовать великие бедствия. Но ее записки – это не просто свидетельство человека, пережившего блокаду, она мерила события меркой не частной, но исторической жизни. После войны по записям 1941–1944 годов создается та часть мемуаров, которая носит название «Осада человека».

В осажденном Ленинграде истощенная, больная цингой Фрейденберг завершает «Лекции по введению в теорию античного фольклора» (1939–1943, машинопись, 354 л.)⁶¹. Пишет «Гомеровские этюды» (1941–1949, машинопись, 118 л.)⁶², книгу о римской комедии плаща (1945–1946, машинопись, 212 л.)⁶³, начинает теоретическую работу «Образ и понятие» (1945–1954, машинопись, 618 л.) с большим разделом о трагедии⁶⁴, незавершенными остаются монографии «Происхождение литературного описания» (1939–[1945], рукопись, 139 л.) и «Сафо: к происхождению греческой лирики» (1946, машинопись, 238 л.).

Послевоенный период с точки зрения духовной атмосферы был едва ли не ужасней военного времени⁶⁵. Фрейденберг снова возглавила кафедру, вернувшуюся из эвакуации, но постоянно порывалась уйти, чтобы не участвовать в бесконечных судилищах, не быть ни объектом, ни свидетелем травли лучших ученых и погрома университета. Антисемитская кампания под лозунгом борьбы с так называемым космополитизмом была направлена как против евреев, так и против любых контактов русской науки с мировой.

В это время, похоронив мать и пытаясь воскресить о ней память, Фрейденберг запоем пишет свои воспоминания о годах сталинской диктатуры. Она не предназначала их для прижизненной публикации. Вот их последние слова:

Вот, собственно, и все о моей жизни. Какой может быть эпилог и в чем его значение? Проживу ли я долго или мало, это уже асемантически. Природа дала мне избыток моральных сил и способностей, но я их утрачивала в непрестанной борьбе, где я тщила противостоять государственной машине насилия и убийству заживо. Я тащила на своей спине мать, думая достичь берега, но вышла одна, раздетая догола, потеряв все, что составляет признаки человека. <...> Мой муж, данный мне от жизни, как дается благодать от бога, был раздавлен пьяной машиной и умер с перебитыми ребрами⁶⁶. Мой брат умер среди самых ужасных мучений сталинского застенка. Мой отец и моя мать погибли от голода и потрясения. Моя наука была задущена пальцами Сталина. Моя любовь поругана, как и моя честь. Мои ученики отошли от меня, испуганные сталинским режимом. Я должна была отказаться от последнего, чем дорожила, – от кафедры.

И все же это не самое ужасное. Самое ужасное – осада, которую я увидела воочию, то скальпированье живого человека, перенести которое не может ничья душа. Египетская «Книга мертвых» была менее страшна, чем эти записки.

Я, конечно, внутренне не сдамся и дальше. Записки, написанные среди обысков, арестов и казней, есть мой человеческий протест против артиллерии антихриста. Я буду дальше рыться в земле в поисках целебного корня <...>, буду бунтовать, делать усилия, чтоб написать свою последнюю книгу; я буду верить в науку и в историю <...>.

Не знаю, когда и от чего я умру. Но одно знаю, если я буду умирать в сознании, в моих глазах будут стоять два образа: моей матери – и московского Нюрнберга. 10 декабря 1950 г. О. Фрейденберг⁶⁷.

Как уже было сказано, собственная жизнь напоминала Фрейденберг биографию умирающих и воскресающих богов. Не раз казалось, что жизнь уходит и достигла дна, но ответом на выпавшие невзгоды и личные крушения всегда был творческий акт или резкая перемена. На смерть жениха она ответила поступлением в университет, на голод, холод, болезни, потрясшую ее смерть отца – диссертацией о греческом романе, на бойкот после защиты – созданием «Семантики сюжета и жанра», первого варианта «Поэтики», на гонения по поводу «Поэтики» – монографией о Гесиоде, на ис-

пытания блокадой – серией названных выше книг, на смерть матери – созданием огромного мемуарного произведения, на изгнание из университета – трактатом «Образ и понятие».

В 1948–1949 годах сначала марристы активизировали свою огромную деятельность, потом в дискуссию против марризма в газете «Правда» вступил Сталин. Начинается шельмование и изгнание людей за причастность к марризму, как до того – за причастность к западной науке. Один за другим марристы публично каются. Фрейденберг не каялась, осенью 1951 г. вышла на пенсию, приводила в порядок архив и дописывала итоговую книгу «Образ и понятие». Она умерла от рака в 1955 г., а ее мысли и рукописи погрузились на многие годы в анабиоз частного архива.

Конечно, в той мере, в какой она сохранялась в научном сообществе как последователь «нового учения о языке», как заведующий кафедрой и профессор советского университета, терпела ущерб ее личность, притороченная к кафедре. А в той мере, в какой Фрейденберг сохранилась как личность, она была обречена на неизвестность как ученый.

Крупнейший новаторский ум первой половины XX в. одними воспринимался как добрый и отзывчивый человек, который охотно помогал деньгами бедным преподавателям и студентам и не боялся заступаться за гонимых и даже арестованных, другими – далекими от классической филологии – марристом с тяжелым характером. Но ее научных достижений не видели или не хотели видеть ни те, ни другие.

Она не получала признания как филолог-классик, потому что была философом культуры, работавшим на античном материале. Для коллег-классиков масштаб ее видения неохватен и даже подозрителен, а читателю без классического образования ее работы были и остаются малодоступны.

Она не заявляла о себе как о философе не только потому, что в ее время никакой философии, кроме марксистской, существовать не могло. И к ней самой осознание своих трудов как философских пришло поздно. В конце жизни она хотела было защитить «Образ и понятие» как докторскую работу по философии. Не для того, чтобы получить на пенсии еще одну степень, а чтобы иметь шанс обнародовать свои мысли в автореферате и в процедуре защиты. В большой мере она предвосхитила так называемый когнитивный подход и Лакоффа. Я думаю, ее имя должно было бы стоять среди первых умов XX столетия, в ряду Юнга, Кассирера, Леви-Строса, среди тех, кто занимался мифом, особенностями мышления образами и рождением (для Фрейденберг в Греции) из образной мифической

«гносеологии» – литературы, искусства и философии. Но она вышла рано, до зари. И это позволяет задуматься о роли маргиналов в науке.

Традиция, как писала Фрейденберг, – это пружина всей мировой культуры и это мировой тормоз⁶⁸. Я полагаю, что помимо природных дарований в научной судьбе Фрейденберг было много такого, что не позволяло ей идти торным путем, он был просто для нее закрыт. В ней все было неконвенционально.

На примере научной судьбы Фрейденберг, мне кажется, можно построить «пропорцию»: Фрейденберг для русской науки – то же, что русская наука для западной. Западное научное сообщество предлагает своим членам не только пройти основательную школу, но и подчиниться мощному давлению традиций и норм. В «отсталости» и маргинальности русской науки содержится и может содержаться потенциал самостоятельности и открытия нового.

Примечания

- ¹ Записки. Тетрадь 24. Л. 3–3 об (слова С.В. Поляковой). «Записками» мы называем автобиографическое сочинение О.М. Фрейденберг, которое имеет общее название «Пробег жизни». Готовится к печати.
- ² *Голосовец Я.Э.* Миф моей жизни: (автобиография); Интересное / Публ. Н.В. Брагинской, С.О. Шмидта // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 110–142.
- ³ Одна глава из кн.: *Metafora* / Przel. J. Faryno // Pamiętnik Literacki. 1983. № 2. S. 321–348; *Slika i pojam* / Prevela Maša Medarić. Zagreb, 1986; *Image and Concept: Mythopoetic Roots of Literature* / Ed. and annot. by K.M. Moss, N.V. Braginskaia / Transl. and intro. by K.M. Moss; foreword by V.V. Ivanov. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997; главы из книг: *Pochodzenie narracji* / Przel. T. Brzostowska-Tereszkiewicz; *O komedii starożytniej* / Przel. W. Grajewski; *Ekskurs do filozofii* / Przel. D. Ulicka // *Semantyka kultury* / Red. naukowa D. Ulicka. Kraków, TAiWPN, 2005. S. 281–308; 309–338; 339–356; *Obraz i pojecie* / Przekład i poslowie B. Zylko. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego, 2007. (Serija «Literatura i okolice»)
- ⁴ См.: *Брагинская Н.В.* Елена Лившиц – Ольга Фрейденберг, или Травестия близнечного мифа: [посл. к публ. О.М. Фрейденберг «Лившиц-царь»] // Новое литературное обозрение. 1993. № 6. С. 107–115.
- ⁵ *Braginskaja N., Kostenko N.* Archives et destin d'un chercheur en U.R.S.S: Ol'ga Mikhaiajlovna Frejdenberg (1890–1955) // *Revue des études slaves*. P., 2014. T. 85. Fasc. 1. P. 109–129.

- ⁶ Список публикаций переписки на русском и иных языках см. на сайте, посвященном О.М. Фрейденберг: <http://freidenberg.ru/Personalija/Posmertnyepublikacii>.
- ⁷ Лотман Ю.М. О.М. Фрейденберг как исследователь культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 482–486. Содержит также список печатных и печатно засвидетельствованных работ О.М. Фрейденберг и список неопубликованных статей и монографий; *Фрейденберг О.М.* Происхождение литературной интриги; Происхождение пародии; Что такое эсхатология? / Публ. Ю.М. Лотмана // Там же. С. 490–514.
- ⁸ Мелетинский Е., Брагинская В. От мифа к лирике: [предисл. к публ. О. Фрейденберг «Происхождение греческой лирики»] // Вопросы литературы. 1973. № 11. С. 101–103; *Фрейденберг О.М.* Происхождение греческой лирики... С. 103–123.
- ⁹ Серия книг «Исследования по фольклору и мифологии Востока», выпускаемых Главной редакцией восточной литературы изд-ва «Наука» с 1969 г., эмблемой которой была черепаха.
- ¹⁰ Неполные библиографические списки см. на сайте: <http://freidenberg.ru/>
- ¹¹ Например: *Perlina N.* Olga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, Indiana: Slavica, 2002; *Kabanov A.* Olga Mikhajlovna Frejdenberg (1890–1955): Eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit. Wiesbaden: Harrasowitz, 2002. (Opera Slavica, n. F., 41)
- ¹² *Moss K.M.* Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Mythologist in a Soviet Context: a Thesis Presented to the Faculty of the Graduate School of Cornell University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. 1984. 303 p.; *Никонова А.А.* Проблема архаического сознания и становление отечественной культурологической мысли (20–30-е годы XX в.): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2003.
- ¹³ Лотман Ю.М. О.М. Фрейденберг как исследователь культуры... С. 482–483.
- ¹⁴ См.: *The Origin of Parody* / Ed. and transl. H. Baran // *Semiotics and Structuralism: Readings from the Soviet Union*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1976. P. 269–283; *Three plots or the semantics of one* // *Formalism: history, comparison, genre* / Ed. L.M. O'Toole, A. Shukman. Oxford: Holdan Books, 1978. P. 30–51. (Russian poetics in translation; vol. 5)
- ¹⁵ См. библиографию на сайте, посвященном О.М. Фрейденберг: № 9, 11, 18, 19, 34, 85–98, 102 (1979–2007 гг.) – <http://freidenberg.ru/Personalija/Posmertnyepublikacii2000>.
- ¹⁶ В годы Первой мировой войны женщины стали принимать на отдельные специальности в Томский и новооткрытый филиал Петербургского – Саратовский университет (ЖМНП. 1915. Ч. 61. С. 6–7), где получили преподавательскую работу две женщины, выпускницы Высших женских курсов, которые завершили свое образование в Германии: историк древнего мира С.И. Протасова (1878–1946) и классический филолог С.В. Меликова-Толстая (1885–1942).
- ¹⁷ Первой женщиной, представившей к защите в Петроградском университете магистерскую диссертацию, была выпускница ВЖК М.А. Островская (по рус-

ской истории; см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 18 марта); медиевист О.А. Добиаш-Рождественская защитила свою диссертацию в 1911 г. в Сорбонне и по-русски в Петербурге в 1915 г.; в 1916 г. она стала первой женщиной среди преподавателей университета, а в 1918 г. – первой женщиной – доктором наук по всеобщей истории. М.А. Островская еще в 1914 г. была допущена к чтению лекций в звании приват-доцента (Прот. засед. Совета... № 70. С. 87, 104–105), но, видимо, внештатно.

- ¹⁸ *Braginskaya N. Olga Freidenberg: A Creative Mind Incarcerated / Transl. by Z.M. Torlone, A. Zeide, B. Maslov // Women Classical Scholars: Unsealing the Fountain: from the Renaissance to Jacqueline Romilly / Ed. by R. Wyles, E. Hall. Oxford Univ. Press, 2016. P. 286–312. То же: [Электронный ресурс] URL: http://ivka.rshu.ru/binary/85345_30.1476388407.9268.pdf (дата обращения: 14.09.2016).*
- ¹⁹ *Braginskaya N. From the Marginals to the Center: Olga Freidenberg's Works on the Greek Novel // Ancient Narrative. 2002. Vol. 2. P. 64–86. То же: [Электронный ресурс] URL: http://ivka.rshu.ru/binary/85345_20.1298804227.61772.pdf (дата обращения: 14.09.2016).*
- ²⁰ Его архив хранится в Центральном музее связи им. А.С. Попова, Санкт-Петербург, ф. 5; некоторые материалы – в Политехническом музее. О нем см., например: Рогинский И.Н. Михаил Федорович Фрейденберг – изобретатель АТС // Известия АН СССР. Отдел. техн. наук. 1950. № 8. С. 1243–1253; *Соколов И.В.* Вклад русской науки и техники в изобретение кинематографа // Там же. 1952. № 4. С. 587–602; *Мининберг Л.Л.* Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945). М.: ИЦ-гарант, 1995. С. 127.
- ²¹ Записки. Т. 5. Л. 6 об.
- ²² См. рецензию Вяч.Вс. Иванова на кн. О.М. Фрейденберг «Миф и литература древности» (М.: Наука, 1978): Народы Азии и Африки. 1979. № 6. С. 217–224.
- ²³ Не отличая религиозное от религиозных убеждений, С.А. Тахтаджян и другие защищали еврейское богопочитание от обвинений в ослопоклонстве, которых работа Фрейденберг не содержала и не могла содержать [см.: Тахтаджян С.А. О статье О.М. Фрейденберг «Въезд в Иерусалим на осле» // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 115–119; в следующем номере журнала «Вестник РГГУ» («Мировое древо», вып. 24) см. анализ реконструкции древнего культа осла в статье В.В. Емельянова «Символика осла в клинописных текстах («Въезд в Иерусалим на осле» глазами ассириолога)].
- ²⁴ См. об этом: *Брагинская Н.В.* Мировая безвестность // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2010. С. 34–62.
- ²⁵ *Фрейденберг О.М.* К семантике фольклорных собственных имен. 'Makkus' и 'Maria' // Советское языкознание. 1936. Т. 2. С. 3–20.
- ²⁶ *Фрейденберг О.М.* Проблема греческого фольклорного языка // Уч. записки ЛГУ. Серия филол. наук. Л., 1941. Вып. 7. № 63. С. 41–69. В 1936 г. был подготовлен первый вариант статьи «Проблема фольклорного языка».

- ²⁷ Записки. Тетрадь 10. Л. 77 об.
- ²⁸ В.П. Ставский (настоящая фамилия – *Киртичников*, 1900–1943), партийный журналист и писатель из рабочих, литературный функционер, с 1936 г. пять лет пробыл генсеком Союза писателей. Речь Ставского с резкой критикой Пастернака была в смягченной форме опубликована в «Литературной газете» («На общесоюзном собрании писателей»: Доклад В.П. Ставского о Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов на общем собрании членов СПП СССР 16 декабря 1936 года // Литературная газета. 1936. 20 дек. С. 1). Вероятно, О.М. Фрейденберг держала в руках именно эту газету. Пастернак оставался влиятельным писателем и членом правления СП, но характер его высказываний советский публичный этикет не запрещал, а просто не предполагал возможным. Говоря с Л.О. Щербой, Фрейденберг еще могла находить опору в известности брата, понимая при этом, что она прибегает к защите его имени, когда он сам уже становится, как и она, объектом общественной травли. Правда, тема «невнятности», которая вскоре будет муссироваться критиками Пастернака, в речи Ставского еще не звучала. Он концентрировался на идеологических «провалах» Пастернака. Возможно, Фрейденберг в своих воспоминаниях объединила речь Ставского, опубликованную в «Литературной газете» со статьей «О политической поэзии», опубликованной в «Правде» 28 февраля 1937 г. В этой статье говорилось уже о том, что в стихах «Пастернака сквозь густой туман и юродство проглядывают совершенно ясные политические выпад» (См.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. Санкт-Петербург: Академический проект, 2005. С. 606).
- ²⁹ «Получил аттестат мастера по физико-механике» (из письма М.Ф. Фрейденберга Л.О. Пастернаку от 23 марта 1901 г.).
- ³⁰ См. подробнее: *Perlina N.* Op. cit. P. 45 ff.
- ³¹ В западной научной традиции пионером сравнения романов с апокрифическими Деяниями считается Роза Зёдер (*Söder R.* Die apokryphen Apostelgeschichten und die Romanhafte Literatur der Antike. Stuttgart, 1932 (Würzburger Studien zur Altertumswissenschaft, 3).
- ³² *Rohde E.* Der Griechische Roman und seine Vorläufer / Hrsg. W. Schmid. 3., durch einen zweiten Anhang vermehrte Auflage, Leipzig, 1914.
- ³³ Записки. Тетрадь 5. Л. 54.
- ³⁴ *Фрейденберг О.М.* К изучению источников Энгельса. Баховен / Публ., предисл., примеч. Н.В. Брагинской // Русская антропологическая школа. Труды. 2004. Вып. 1. С. 295–301. То же: [Электронный ресурс] URL: http://ivka.rsuh.ru/binary/85345_99.1298804379.20839.pdf (дата обращения 14.09.2016).
- ³⁵ Записки. Тетрадь 5. Л. 6 об. – 7.
- ³⁶ Это заявление Фрейденберг в Коллегию ИЛЯЗВа сохранилось в архиве Фрейденберг и в РГАЛИ (Ф. 211 [Л.К. Ильинский]. Оп. 1. Д. 319. Л. 6).
- ³⁷ *Wills L.M.* The Quest of the Historical Gospel: Mark, John and the Origin of the Gospel Genre. L.; N. Y.: Routledge, 1997.

- ³⁸ *Narro Á.* The influence of the Greek novel on the Life and Miracles of Saint Thecla // *Byzantinische Zeitschrift*. 2016. Vol. 109. Issue 1. P. 73–96.
- ³⁹ *Saintyves P.* Essais de folklore biblique. Magie, mythes et miracles dans l'ancien et le Nouveau Testament. P., 1922; *Idem.* Les contes de Perrault et les récits parallèles, leurs origines, coutumes primitives et liturgies populaires. P., 1923; *Kerényi K.* Die griechisch-orientalische Romanliteratur in religionsgeschichtlicher Beleuchtung. Tübingen, 1927.
- ⁴⁰ Л.О. Пастернак передал А. Гарнаку автореферат по-немецки. В ответном письме от 28.10.1926 Гарнак написал, что работа его «убедила» и что некоторые, с его точки зрения, неясности «не могут опровергнуть основных выводов», он отозвался с похвалой о знаниях и «критическом чутье» племянницы своего корреспондента.
- ⁴¹ *Leitheyzen Ц.* Вредная галиматья // *Известия*. 1936. 21 сентября. Рец. на кн. О.М. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» (Л., 1936).
- ⁴² См.: Записки. Тетрадь 10. Л. 45 об.
- ⁴³ См.: *Брагинская Н.В.* «...Имеют свою судьбу» // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 421–433.
- ⁴⁴ *The Correspondence of Boris Pasternak and Olga Freidenberg, 1910–1954 / Comp., ed., intro. by E. Mossman; transl. by E. Mossman, M. Wettlin.* N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. То же: L.: Secker and Warburg, 1982.
- ⁴⁵ *Лотман Ю.М.* О.М. Фрейденберг как исследователь культуры... С. 486.
- ⁴⁶ Об этом периоде см.: *Брагинская Н.В.* Siste, viator! (предисл. к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // *Одиссей: Человек в истории: Представления о власти*. 1995. М.: Наука, 1995. С. 244–271. То же: [Электронный ресурс] URL: http://ivka.rshu.ru/binary/85345_38.1298803766.17355.pdf (дата обращения 14.09.2016).
- ⁴⁷ Записки. Тетрадь 6. Л. 84 об.
- ⁴⁸ Со временем институт разрастался, научное сообщество уступало свои права учреждению, а Яфетический институт стал Институтом языка и мышления, впоследствии – ЛО Института языкознания АН СССР.
- ⁴⁹ О Марре и его роли в научной судьбе О.М. Фрейденберг см. также: *Perlina N.* Op. cit. P. 69–83, 97–115.
- ⁵⁰ Тристан и Исольда: от героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии / Под ред. Н.Я. Марра. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. (Труды Института языка и мышления; 2)
- ⁵¹ См.: *Брагинская Н.В.* Siste, viator! С. 256–257.
- ⁵² «Между пр., Щерба, в очень дружеском месте беседы, рассказал, как меня ненавидят яфетиды. Он сказал: “не рассчитывайте на поддержку отсюда. Я и так собирался вас предупредить, что вас ожидает от них удар”» (Записки. Тетрадь 10. Л. 76 – письмо И.Г. Франк-Каменецкому от 20 дек. 1936 г.).
- ⁵³ *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. Л.: Гослитиздат, 1936. О детективной истории осуждения, конфискации и спасения книги см.: *Брагинская Н.В.* «...Имеют свою судьбу». С. 421–433.

- ⁵⁴ Записки. Тетрадь 5. Л. 67.
- ⁵⁵ Там же. Тетрадь 9. Л. 24 об.
- ⁵⁶ Там же. Тетрадь 7. Л. 230 об.
- ⁵⁷ *Budaragina O. Olga M. Freidenberg, Aristid I. Dovatur, and the Department of Classics in Leningrad // Classics and Communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain / Ed. by G. Karsai, G. Klaniczay, D. Movrin, E. Olechowska. Budapest; Ljubljana; Warsaw, 2013. P. 11.*
- ⁵⁸ В одной из биографий А.Н. Егунова сказано, что перед войной из-за запрета жить и соответственно работать в Ленинграде Андрей Николаевич жил в Новгороде и на несколько часов ездил на работу в ЛГУ, куда ссыльного принял «тогдашний заведующий кафедрой». Биограф Егунова, видимо, не захотел упомянуть имя Фрейденберг в позитивном контексте и обошелся описанием. А я опущу имя этого биографа.
- ⁵⁹ В отличие от западных университетов Ученые записки и Научные бюллетени университетов СССР печатали только своих сотрудников. Исключения были редки и уже в позднесоветское время.
- ⁶⁰ Посмертно опубликованы: резюме трех глав: Что такое эсхатология? (публ. Ю.М. Лотмана) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 512–514, Утопия (публ., предисл. и примеч. Н.В. Брагинской) // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 148–167) и Басня (публ. подгот. Н.В. Брагинская при участии Ю.В. Крайко) // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 126–156), а также экскурс «Эйрена» Аристофана (публ. и введ. Н.В. Брагинской) // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 224–236).
- ⁶¹ Опубликовано сначала с купюрами, затем полностью: Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора (лекции) // О.М. Фрейденберг. Миф и литература древности / Сост., подгот. текста, коммент., указ. и послесл. Н.В. Брагинской; отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Наука, 1978. С. 9–169; [2-е изд., испр. и доп., – М., 1998; 3-е – Екатеринбург: У-Фактория, 2008].
- ⁶² Из «Гомеровских этюдов» опубликован один – «Комическое до комедии (к проблеме возникновения категории качества)», см.: Фрейденберг О.М. Миф и театр: лекции по курсу «Теория драмы» для студентов театральных вузов / Сост., научно-текст. подгот., предисл. и примеч. Н.В. Брагинской. М., 1988. С. 74–127; то же: Фолклорен еротикон / Съст. Ф. Бадаланова. 2-е изд., прераб. София: РОД, 1995. Т. 2. С. 35–98; экстракт другого этюда «Гомеровские сравнения» опубликован как статья: Фрейденберг О.М. Происхождение эпического сравнения (на материале Илиады) // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л., 1946. С. 101–113.
- ⁶³ Частично опубликовано: Фрейденберг О.М. Паллиата [фрагменты из биографии] // Миф и театр С. 36–73; Она же. Паллиата. Гл. 21 // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 714–718.
- ⁶⁴ См.: Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. С. 173–487.

- ⁶⁵ См. подборку выдержек из воспоминаний: Фрейденберг О. Будет ли московский Нюрнберг? (из записок 1946–1948) / Публ. Ю.М. Каган // Синтаксис. Париж, 1986. № 16. С. 149–163.
- ⁶⁶ Отношения с И.Г. Франк-Каменецким, очень близкие, не стали ни браком, ни «связью» в обычном смысле слова. Могли стать, но не стали.
- ⁶⁷ Записки. Тетрадь 34. Л. 18–19 об.
- ⁶⁸ *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 118.